

Готовясь к этой встрече, я был абсолютно уверен: сенсаций не будет, ибо Андрей Харитонов – личность не скандальная и актерской тусни – с ее сплетнями и интригами – чужающаяся. Однако отказывать себе в удовольствии побеседовать с интересным человеком...

– Когда речь заходит о вас, невольно вспоминаешь фильм "Обод". Мне кажется, что в этой картине вы сыграли себя самого.

– Может, и неплохо, если складывается такое впечатление. Наверное, в этом и заключается профессионализм. Хотя по большому счету, ничего общего с Артуром я в себе не вижу. Я никогда не пожертвую жизнью даже ради искусства, не говоря уж о политике.

– Хорошо, а если спросить иначе: красивый мужчина, известный актер, и вдруг – совершенно непонятное стремление к одиночеству.

– Честно говоря, зрителю, которого интересует именно это, я нужен именно холостой... Но самое смешное то, что я неплохо поработал над своим имиджем, в противном случае вы не спросили бы меня однажды, плейбой я или нет.

– Вы хотите сказать, что лобеласом вас назвать нельзя?

– Упаси Бог! Ведь если я хорошо выгляжу – это еще ничего не значит.

"При первом же общении с Андреем нельзя не заметить его необычайно тонкий вкус и бесспорную интеллигентность. Человек высочайшей культуры, прекрасный актер, но, к сожалению, печально существующий в нашей стране, как и все артисты, имеющие прекрасную внешность. Ведь как актер он многие годы был ограничен собковым репертуаром, но, несмотря на это, он сумел стать кумиром многих людей. Первое мое знакомство с Андреем Харитоновым состоялось в фильме "Обод" – это был его дебют. А два года назад, когда Андрей принес мне первый собственный сценарий фильма "Жажда страсти", я была поражена высокой степенью профессионализма, но тем не менее было некоторым риском для меня довериться ему как режиссеру. Но что особенно привлекает в Харитонове – это неудержимая, даже детская фантазия! Была бы рада и впредь работать с Андреем". (Анастасия Вертинская.)

– Андрей, вы успели проявить себя как режиссер. Фильм "Жажда страсти" принято считать первым советским триллером. Неужели до вас этот жанр никто не затрагивал в нашей стране?

– У нас ведь как: сняли картину, значит, она – первая. Затем сняли другую – о той уже забыли. А

это было в 1991 году, когда все говорили, что у нас появилось жанровое кино, но на самом-то деле жанра триллера до сих пор нет. Более того, слышались упреки, что этот жанр сугубо американский и он нам непонятен. Хотя вся русская литература буквально напичкана сюжетами для триллеров. В результате наше кино – всегда штучное производство. Невозможно устроить жанровое разнообразие, если нет потока, когда каждый

прессу сразу после презентации. В принципе, картина удалась, я считаю. Хотя у меня не было амбиций стать режиссером. Я просто хотел интересной работы, чтобы после десяти лет того, чем занимался, получить два года настоящей творческой жизни.

– Вы получили эти два года, о которых мечтали, а дальше-то что?

– А дальше... Я склонен подразделять понятие творческой

звезду. Не будем называть других имен, поскольку заговорили о Насте Вертинской. Для меня существовала колоссальная опасность, что Насте сценарий не понравится и она откажется. К счастью, этого не произошло. Она очень талантливая актриса.

– Последнее время вы стали мало сниматься.

– По большому счету я никогда много не снимался. А сейчас вообще пытаюсь делать то, что хочу. Я уже

материале снять такое, от чего у людей глаза закрылись бы от счастья. Попробуйся сними современный вариант "Ромео и Джульетта" на фоне, скажем, улицы Горького. Про что будет эта картина? Про мордобой с родителями, про наркотики, про беременность в школе... Хотя я не знаю, что представляет собой школа сегодня. У меня лично самые страшные воспоминания, ужас какой-то. Я помню только парторга в этой школе...

– Вы, наверное, были двоечником?

– До восьмого класса я был отличником! Но мне потом все надоело, и я практически перестал посещать уроки. Единственное, чему учила школа, – это грандиозно лгать. Сама система просто уродовала личность... Любый отечественный фильм сегодня все равно будет рассказом о наших жутких проблемах. А конвейера, который выпускал бы сказки про нашу "чудесную" жизнь, и армии дежурных сценаристов, готовых написать эту сказку, еще нет.

"Я просто люблю его. Он один из самых близких мне людей по духу. Я обожаю его как актера, как человека. Андрей Харитонов – это уникальная личность. Умный, интеллигентный и замечательный во всех отношениях!" (Ирина Отиева.)

– Вы избегаете тусовки...

– Не хожу, потому что не хочу. Хотя когда-то любил это здорово. Сейчас не могу вступать в так называемые любовно-тусовочные отношения. Не могу шарить взглядом по столу и при этом делать умное лицо. Не хочу – и все. Я такое количество ресторанов обошел, что от них меня уже тошнит.

– Складывается впечатление, что главное для вас – это внешний вид, желание выглядеть на все сто.

– Так должно быть. Это моя работа и это нужно зрителю.

– А как вы решаете транспортную проблему?

– Она для меня не существует. У меня есть машина, но я очень редко выхожу из дома.

– Многие ваши коллеги считают вас весьма сострадательным человеком.

– Отлично. Они в таком случае должны понимать, что завидовать им я уже не могу. Хотя все-таки как здорово на Западе: никто не выясняет, кто на что живет, потому что такое может вскрыться, что ой-ой-ой. И может не поздоровиться тому, кто об этом спрашивает.

– Слудует понимать как намек?

(Смеется.)

– Нет, конечно же, нет. Просто разные стили жизни. На Западе люди вообще не живут внешней стороной и по сути ведут себя достаточно скромно, несмотря на изобилие всего. Может, когда-нибудь и мы станем такими же.

Агаси ТОПЧЯН.

Мск. правда. - 1993. - 13 нояб. - с. 4

АНДРЕЙ ХАРИТОНОВ:

Я НЕ ЛОВЕЛАС!

нюанс буквально высасывают из пальца.

– По вашему мнению, фильм "Жажда страсти" сделан на уровне мировых стандартов?

– Нет, это невозможно. Он не может быть на уровне мировых стандартов хотя бы с технической точки зрения.

– А это ощутимо? Я имею в виду, в состоянии ли зритель определить это?

– По сути зритель этим и занят: он сидит и сравнивает.

– Вы слышали какие-то нелестные высказывания в адрес своего "дектища"?

– Дело в том, что реакция зала меня всегда устраивала. Хотя и было много претензий, но тем не менее мы получили прекрасную

жизни и жизни вообще. В принципе я никогда не пожертвую вторым ради первого, т.е. творчество для меня – это не способ существования, а способ сублимировать, не более того. Кто-то тянется к власти, кто-то убивает... Словом, это все происходит в результате глобальной сексуальной неудовлетворенности общества. Впрочем, это совершенно отдельная тема. Поэтому давайте о режиссуре.

У нас с Настей Вертинской есть один проект. Уже готов сценарий "Легенда о Саломее" – это абсолютно оригинальная версия. Мы берем четыре строчки из Библии и рассматриваем их так, как нам бы того хотелось.

Я писал сценарий, грубо говоря, на идеальную европейскую

не тот молодой артист, который счастлив, когда его снимают. Правда, пять лет проработав в театре, я понял, что это все не мое, что всегда мечтал только о кино.

– Следовательно, если поступят новые предложения сыграть романтического героя...

– Конечно, не откажусь.

– Полагаете, вы еще не вышли из этого возраста?

– Нет! И потом главное – серьезный сценарий. Когда я играл на советском материале, я обязательно играл какую-нибудь сволочь или гниду. А вот образ романтического героя присутствовал в основном в картинах о заграничной жизни. Я, собственно, не знаю, как сейчас можно на нашем бытовом

руч